

АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ ЖИВА

Их называют бардами — создателями авторской песни, в которых талант поэта и композитора, музыканта-исполнителя и певца неразделимы. Горячие романтики со своим мироощущением, мировосприятием, взглядами и суждениями об окружающей жизни, произведения которых отмечены смелостью, независимостью, душевным благородством. Таковыми были Высоцкий, Галич, Визбор. Таковыми остаются Окуджава и Ким.

В ряду зачинателей движения «авторской песни» и верных ее рыцарей — и Новелла Матвеева, чье имя приобрело широкую известность. С ней и ведет беседу корреспондент нашей газеты.

— Сегодня мы часто вспоминаем конец 50-х — начало 60-х годов, когда зародилось явление «авторской песни». Сравниваем, ищем аналогии в духовных процессах, происходивших в пору той оттепели и сейчас. У истоков этого движения стояли и вы, Новелла Николаевна. Вместе с авторской песней вы пережили все этапы ее развития. Вместе с ней вы вошли в сегодняшний день, когда многие стали говорить о спаде интереса к бардовской песне...

— В мир авторской песни я вошла «дикарем», не имея перед собой образцов ни хороших, ни плохих. Когда в шестидесятом году меня стали записывать на первые, диковинные тогда магнитофоны, о других исполнителях собственных песен в нашем окружении еще не знали. А вообще-то песни «под гитару» я начала сочинять еще в детстве. Некоторые и до сих пор помню. В 1962 году Москонцерт закупил более двадцати моих песен для известной тогда певицы Киры Смирновой, которая исполняла их в течение нескольких лет.

В 1966-м вышла моя первая пластинка (она же — первая пластинка авторской песни в Союзе). Молодежь из Клуба самодеятельной песни подхватила знамя поэтов-«шестидесятников». Ребята из этого клуба часто приходили ко мне в начале 70-х, когда я давно уже была полузапрещенной. Настало время, когда «авторская песня» не могла полностью или частично не уйти в подполье.

За что полюбили ее ценители демократичные, но взыскательные? Вспомним раннего Окуджаву — неуверенное, но волшебное дуновение ветров свободы и... уже нарастающую мощную барабанно-трубную какофонию, еще напущенную бутафорской, но угрожающую. Не отсюда ли все «грустные солдаты» Окуджавы и вызывающая интимность этого, как ни повери, ведущего (хотя каждый сам по себе, а не за руки!) барда? Здесь по-своему зазвучали чуткость, совесть, сочувствие к народу, приглушенному страхом репрессий, пропагандистским и бюрократическим гнетом.

Авторские песни не распевали колонны демонстрантов, марширующих по площадям и радующихся окружающему изобилию. Но они объединили сначала горстки творческой интеллигенции, потом тысячи инженеров, студентов, школьников, и возникло невообразимо пестрое большое движение, своим особым голосом загвогорившее уже тогда о трагедии застоя. Магнитофоны позволили размножить в миллионных тиражах голоса таких талантливых и честных поэтов, как Галич, Окуджава, Высоцкий, Ким, Городницкий, Якушева, и многих других.

А в 70-е годы эстрада умышленно стала подделываться под демократичность и интимность авторской песни, стараясь тем размыть ее границы. Вместе с тем по себе знаю, новые песни старшего поколения бардов не передавались по радио.

Возник не понятный мне упрек в том, что авторская песня «не гражданственна». Требование гражданственности должно уравновешиваться спокойным пониманием жанровых различий в самой песне, которая, как и всякая поэзия, держится на трех китах: на совести, уме, таланте. Вы, наверное, замечали, что песни Булата Окуджавы не воспринимаются как готовая данность, как императив внешний — это голос внутренний, к которому прислушивается прежде всего он сам. Он как бы ведет непрямой домашний диалог со своим героем, с тенями друзей и врагов героя — живыми и мертвыми, с самой песней, с окружением этой песни. «Не закрывайте вашу дверь» — это не к сейфу, это к душе. Это песня-размышление. И некатегоричная манера подачи всегда как бы предполагает продолжение, стремление освободиться от вечных болей... Песня живет социальной, гражданской жизнью.

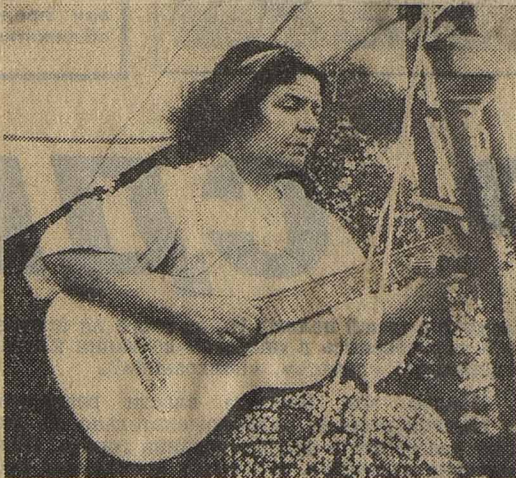
Высоцкий — ему достался самый цвет бестыжести брежневских времен, досталось разглядывать все это цветение в деталях, и он буквально пропадавал, не имея сил ни побороть все это, ни даже просто вынести. Уж, разумеется, это был автор гражданственный, вся выносливость которого, быть может, в его умышленной отрешенности от лиризма в большинстве песен. Гражданственные песни Луферова, Городницкого, Кима. Вообще наши крупные гитарные поэты — там, конечно, где они правы, — повторяют и воскрешают певческий подвиг Беранже, традиция которого была на целый век прервана.

Но почему у того же Высоцкого или у Галича, поэтов, друг на друга не похожих, не складывались, да и не могли сложиться отношения с благоприличными цехами? Почему Высоцкий, несмотря на просто-таки свирепое обожание со стороны своих высокочинцовых и всемогущих покровителей, не был принят в Союз писателей? А ведь у иных на пути были и розы: они всегда к услугам любого одаренного соглашателя. Обустраивать наилучшим образом личное благополучие — вот первейшая, если не единственная, цель герметичных, никогда не проветриваемых цехов со времен средневековья. И наши творческие союзы с этой задачей справились...

— Высказывается мнение, что, мол, теперь, когда обо всем можно говорить открыто, авторская песня перестала быть «запретным

сладким плодом». И этим как будто объясняется спад интереса.

— Ответу вопросу на вопрос: можно ли приравнять спад ажиотажа вокруг Клуба самодеятельной песни к спаду художественного интереса? Сенсация и ажиотаж — дело дня, искусство — дело времени, и интерес к нему — дело времени. «Классика» старого КСП несла в себе мотивы и переживания, которые так сильно и откровенно зазвучали только теперь — благодаря гласности, демократизации и перестройке. Она отмечена была социальной честностью, отзывчивостью, покуда группа средних исполнителей и посредственных аранжировщиков «под эстраду» не поставила эту песню на безликом-коммерческую основу, лишив ее обаяния неподкупности, оригинальности. Это, видимо, и называлось «запретным плодом»? Тень пала, к сожалению, на весь жанр, на всю школу, на всех бардов. И то, что сегодня приходится слышать по радио (кто выбирает?) — далеко не лучшее из репертуара бардов, откровенно повторное, усредненно-общее, вообще ничье.

Да и потом: чиновник от искусства и барстующий меченат все еще сильны. Прогрессивный сталинист страшнее «сталиниста-вульгариса»: художника он достанет и на дне морском. Не случайно, разразив песни Галича, предпочитают «Гражданку Парамонову», а не «Памятники» (это о снесенных памятниках Сталину). Или Высоцкий. Мы услышали теперь его проблемные, драматичные песни. Но попробуйте закажите на радио целый концерт именно таких его песен.

Утверждают, что возросший интерес к публицистике заставил отвернуться от песен бардов. Думаю, что этот интерес вовсе не исключает романтических устремлений человека. Наоборот: публицистическое и романтическое — это понятия взаимовоспламеняющиеся. И сегодня это стало заметнее. Романтические начала расцветают в естественных для них условиях демократизации общества. Ведь романтика гораздо ближе здравому смыслу, чем принято полагать. И ее совершенно напрасно сравнивают с недомыслием...

— Вы, наверно, на себе почувствовали все те удары, которые выпали на долю истинной бардовской песни?

— Я не была жертвой судов и судилищ. Но за подписью под письмом о желательности гласности этих самых судов (в письме так и было сказано: «нужна гласность») на много лет была негласно запрещена в печати. На квартиру ко мне стали время от времени почему-то наведываться нетрезвые милиционеры и дружинники. Постепенно условия жизни в Москве стали невыносимыми, и на целые десять лет пришлось уехать в Сходню.

Положиться в трудную минуту можно было только на очень немногих близких людей. В Союзе писателей всегда были двое-трое людей, помнивших, что и я член союза. Вот уже двадцать восемь лет. Но вообще и обратиться-то страшно как в «большой», так и в «малый» союз! И сегодня многое напоминает о прошлом. Но когда говорят: «Союз писателей надо реформировать», — я не могу с этим согласиться. Расформировать — это проще всего. А может быть, попросту сделать наш союз более открытым для контролирования? У меня такое ощущение, что мы еще так и не видели настоящего Союза писателей — такого, в котором работали бы народные заступники, хотя бы отвечающие на письма трудящихся... Так, может быть, вместо ни к чему не ведущих расформирований все-таки постараться как-то выправить положение?

Когда я оглядываюсь на пройденный мной (в качестве члена творческой писательской организации) двадцативосьмилетний путь, я среди многого другого вижу еще и огромную столичную периодику, почти никогда — за прошедшие десятилетия — не принимавшую ни моих стихов, ни стихов моего соавтора Ивана Киуру, который тоже попал в зону молчания, окружающую бардов. Если бы время от времени мы не выступали с песнями (которые — «извольте мне простить ненужный прозаизм» — материально дают авторам очень немного) и если бы не альманахи «Поэзия» и «День поэзии» — никто не знал бы, что мы литераторы.

Но не могу не повторить: в СП были и есть

порядочные люди. И некоторые из них помогали мне и в совершенно невыносимой (не только для меня, но и для них) обстановке.

— В своих произведениях вы часто обращаетесь к детям. Что это — желание непосредственно говорить с самой трудной аудиторией или это своеобразный эзопов язык, когда в сказках, адресованных детям, любимыми ими, взрослые видят нечто иное, важное для них?

— Песню я складываю сначала для себя, не думая о том, кому она пригодится. Лишь после я не без удивления узнавала, что и дети подхватывают слова и напев. Часто я получала от них рисунки к моим песням. Но специально к взрослым через детей я никогда не обращаюсь. Желая говорить с ребятами — я с ними и говорю. Для них мои книги «Солнечный зайчик» и «Кроличья деревня». А если надо говорить со взрослыми, что называется, «за жизнь», я так и делаю.

Я не считаю, будто в песнях использую «детский язык». Иное дело, что я взрослым песням хотела бы вернуть язык простой, народный, без таких, скажем, слов, как «экзистенциализм». Может быть, потому дети моих песен и не пугаются, что в них нет «залитературенности».

Да и вообще я против однозначных оценок. Ведь по отношению к бардам действует тот же закон, что и по отношению к любому другому художнику. И неразборчивым слушателям, и чиновникам хочется нацепить на них определенную маску и продержат под ней всю жизнь. Так удобнее и проще. Высоцкий — «хриплый», «блатной». Окуджава — «мягкий», «интеллигентный» и так далее. И, к сожалению, многие художники, из тех, что послабее, вполне с этой маской смиряются, она становится их лицом — так удобнее и проще.

Радио, например, весьма редко интересуется: изменилась ли моя манера исполнения за последние 25—30 лет. Если же и заметит, что изменилась, то непременно скроет это от слушателей, показав им образцы моего исполнения лишь 20—30-летней давности и на шаржированно-замедленных скоростях. Со мной, конечно же, ничего не согласовывая... Вспоминает же оно о моих песнях реже, чем Робинзон Крузо являлся парусник на горизонте. Следовательно, судить о количестве и качестве большинства моих новых песен, об изменениях в манере исполнения слушатели не могут.

А сколько нового я написала за истекшие годы! Сколько я работала над исполнением...

Однако закончим нашу беседу на положительных нотах. Авторская песня жива. Ее летописцы (те из них, которые честны) открывают нам драматичные и праздничные страницы прошлого. Появляются новые интересные авторы. Некоторые поэты и композиторы, работающие в других жанрах, но не спекулирующие на авторской песне, не подделывающиеся под нее, развивают ее лучшие стороны. Например, бард по духу, по чистоте и искренности, по мелодичности песен Борис Гребенщиков.

А ориентирами новых бардов — и нравственными, и профессиональными, — несомненно, будут песни того поколения, к которому принадлежит Новелла Матвеева. «Когда потеряют значение слова и предметы. На землю для их обновления приходят поэты. Их тоска над разгадкой скверных, проклятых вопросов — Это каторжный труд суеверных старинных матросов, спасающих старую шхуну Земли», — так писала она в одном из своих стихотворений. И разве не такова же главная задача сегодня?

Беседу вел
С. БЕДНОВ.

● Новелла Матвеева.

Сов. культура - 1989 - апрель - с. 4